

mean the same concept. Moreover, we see in the sources that there was a post of “the prince of bazar” who ran this institution (bazar) within the Horde. E.G. Sayfetdinova noted that Ötemish Hajji mentions in his “Chingiz-name” the term of the Horde-bazar. He says on the election of Timur Malik as new khan that when he came to the throne, there was delivered a sermon in the Horde-bazar. R.M. Valeev stressed that it is important to pay attention to the minting of coins for the determination of the Horde-bazar. If in the 13th century the name of the “Horde-bazar” is absent, then in the 14th century it is mentioned as a center of coinage. A.I. Bugarchev added that in the 13th century there was one concept of “Horde” and in the 14th century the “Horde” appears on coins. We still do not know whether it was one or more mints. So, when we talk about the Horde-bazar, it is necessary to clarify what period we mean.

In the final part of the event there was defined range of problems that can be offered to debate aimed at holding such meetings regularly. Thus, the roundtable participants noted the need for close mutual cooperation of scholars to solve the problematic issues concerning the history of the Golden Horde.

About the author: Elmira Gadelzyanovna Sayfetdinova – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research of the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); adulya2@yandex.ru

УДК 94

**ОТЧЕТ О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«МОБИЛЬНОСТЬ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОБМЕМЫ
В МОНГОЛЬСКОЙ ЕВРАЗИИ»
(ИЕРУСАЛИМ, 29 ИЮНЯ – 1 ИЮЛЯ 2014 Г.)**

Роман Хаутала

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Статья содержит отчет о международной конференции “Мобильность и преобразования: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии”, прошедшей в Иерусалиме с 29 июня по 1 июля 2014 года. Конференция была организована Институтом перспективных исследований Израила при Еврейском университете в Иерусалиме.

Главной темой конференции был поиск ответа на вопрос: как различные формы мобильности, то есть миграции больших групп людей и широкое распространение идей и артефактов, повлияли на формирование межкультурных обменов в империи монголов XIII–XIV веков, и насколько велико было влияние этих трансформаций? В частности, особое внимание на конференции было уделено реконструкции культурных, торговых, религиозных и интеллектуальных обменов внутри империи монголов.

Участники конференции представили свои доклады на отдельных тематических панелях, которые автор статьи описывает отдельно, включая и краткое изложение докладов каждого участника конференции.

В определенной степени, состав участников конференции отражает актуальные интересы современных исследователей империи монголов. Доклады по юаньскому Китаю, очевидно, преобладали на конференции, хотя немало внимания было уделено и хулагуидскому Ирану. Отдельная панель была посвящена чагатайскому улусу, что, вероятно, является отражением исследовательских интересов непосредственных организаторов конференции. За исключением доклада по экономическому развитию Руси, улусу Джучи были посвящены только выступления исследователей российского происхождения и венгерского докладчика, что, в свою очередь, является отражением уровня популярности золотоордынских исследований среди западных историков.

Ключевые слова: история монгольской империи, международная конференция, Институт перспективных исследований Израиля, Еврейский университет в Иерусалиме, актуальные интересы современных исследователей.

С 29 июня по 1 июля 2014 года в Иерусалиме прошла международная конференция “Мобильность и преобразования: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии” (Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia). Конференция была организована Институтом перспективных исследований Израиля (Israel Institute for Advanced Studies) при Еврейском университете в Иерусалиме. Немаловажное значение для организации конференции имела материальная поддержка со стороны специального проекта Европейского исследовательского совета “Мобильная империя и межкультурные завоевания в монгольской Евразии” (Mobility Empire and Cross-Cultural Conquest in Mongol Eurasia). Непосредственными организаторами конференции выступили Михаль Биран (Michal Biran, Еврейский университет в Иерусалиме) и Ходонг Ким (Hodong Kim, Сеульский национальный университет).

Главной темой конференции был поиск ответа на вопрос: как различные формы мобильности, то есть миграции больших групп людей и широкое распространение идей и артефактов, повлияли на формирование межкультурных обменов в империи монголов XIII–XIV веков, и насколько велико было влияние этих трансформаций? В

частности, особое внимание на конференции было уделено реконструкции культурных, торговых, религиозных и интеллектуальных обменов внутри империи монголов.

Участники конференции представили свои доклады на отдельных тематических панелях, которые следует описать отдельно, включая и краткое изложение докладов каждого участника конференции.

Панель 1: Формы миграции.

Председатель: Михаль Биран (Michal Biran, Еврейский университет в Иерусалиме).

Дискусант: Дэвид Морган (David Morgan, Висконсинский университет в Мадисоне).

Николай Крадин (Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток): “Передвижение народов, империй и технологий в Монгольской империи: взгляд с Дальнего Востока” (Movement of Peoples, Empires, Technologies in the Mongol Empire: A View from the Far East).

Крадин подчеркнул решающую роль переселения массированных групп людей в формировании новой глобальной системы монгольской империи. В частности, насильственная депортация чжурчженей вместе с их пребыванием в степях Монголии и на востоке от Байкала, стимулировала интенсивный межкультурный обмен, внедрение культурных и стилистических инноваций, детально продемонстрированных докладчиком в контексте новых археологических открытий.

Стефан Камола (Stefan Kamola, Принстонский университет): “Вероятный ход невероятной жизни: миграции, восстания и Рашид ад-Дин” (The Probable Course of an Improbable Life: Migration, Rebellion, and Rashīd al-Dīn).

Камола указал на ряд недостатков предыдущих работ по биографии Рашид ад-Дина, в которых исследователи были склонны принимать на веру и без должной критики автобиографические сведения Рашид ад-Дина, написанные в условиях крайне напряженной политической обстановки. Также исследователи не уделяли надлежащего внимания изучению раннего периода карьеры Рашид ад-Дина, замалчиваемого самим автором автобиографии. Для изучения этого малоизвестного периода деятельности Рашид ад-Дина, Камола предложил сопоставить вероятные обстоятельства его жизни с эволюцией и социальной трансформацией тех групп людей, с которыми Рашид ад-Дин себя идентифицировал. В частности, детальное изучение деятельности еврейской общины в хулагуидском Иране способствовало бы прояснению раннего этапа карьеры “врача из Хамадана” на службе у монголов.

Дэвид Робинсон (David Robinson, университет Колгейта): “Миграция и Память” (Migration and Memory).

Массивная экспансия монголов имела следствием появление воспоминаний о широчайшей кочевнической империи в более поздние эпохи. По словам Робинсона, эти воспоминания варьировались, в зависимости от времени, региона, культурной идентичности, пола, религии и так далее. Согласно утверждению докладчика, воспоминания о Великой империи Юань были сформированы не только в Монголии XIV–XV веков, но и в кругах монгольской диаспоры в Северном Китае после падения монгольской династии в 1368 году. Таким образом, Робинсон попытался опровергнуть наличие утверждаемого ранее негативного отношения к империи Юань в миньском Китае, указывая на присутствие среди миньских военачальников выходцев из Монголии, которые были носителями более позитивных воспоминаний о предыдущей династии и, вполне вероятно, имели непосредственное влияние на формирование взглядов официальных историографов миньской династии.

Панель 2: Религиозные обмены.

Председатель: Йохан Элверског (Johan Elverskog, Южный методистский университет, Даллас).

Дискуссант: Питер Джексон (Peter Jackson, Британская академия).

Джонатан Брэк (Jonathan Brack, Мичиганский университет): “Суфийский ритуал и монголы: сама в ильханидском Иране” (Sufi Ritual and the Mongols: the Sama’ in Ilkhanid Iran).

Брэк представил на рассмотрение сведения мамлюкских хронистов (в частности, ас-Сафади) об участии хулагуидских принцев в суфийских ритуалах, пытаясь ответить на следующие вопросы: в какой степени суфийские ритуалы создавали условия для межкультурных взаимодействий и обменов? И, соответственно, являлось ли участие хулагуидов в ритуале сама свидетельством того, что суфии выступали в качестве посредников между исламом и монголами? А также, являлось ли участие хулагуидов в суфийских ритуалах свидетельством возрастающей роли суфийской религиозной практики в ритуальных аспектах хулагуидской политической культуры?

Чо Вонхее (Cho Wonhee, Йельский университет): “Монгольский контроль над даосистами и буддистами в Южном Китае: сравнительный обзор” (The Mongol rule of Taoists and Buddhist in Southern China: A Comparative Review).

Доклад Вонхее коснулся темы внутреннего управления монгольской империи и, в частности, отношения монгольских правителей к различным религиозным группам среди покоренного населения. Вонхее показал на примере Южного Китая, что монгольские правители предоставляли поддержку тем религиозным группам, которые, по их мнению, были наиболее предрасположены к сотрудничеству с новой властью. Основываясь на подборке разрозненных сведений официальной юаньской документации и эпиграфики, вместе с информаци-

ей даосистской и буддистской историографий, Вонхее убедительно доказал, что Хубилай предпочел приблизить к администрации Южного Китая более надежных даосистов, нежели буддистов.

Чарльз Мэнсон (Charles Manson, Практическая школа высших исследований, Париж): “Воин-император и священник-чудотворец: отношения между Мунке ханом и Карма Пакши” (Warrior Emperor and Ecclesiastic Thaumaturge: Relations between Mongke Qan and Karma Pakshi).

В свою очередь, Мэнсон уделил внимание влиянию тибетского буддизма на монгольскую элиту, рассмотрев трехлетний период (1256–1259) пребывания Карма Пакши в приближении Мунке-хана. Согласно автобиографии Карма Пакши, его умелая демонстрация чудес снискала симпатии хана; вследствие чего, император принял участие в тантрическом обряде инициации и получил инструкции по медитации со стороны Карма Пакши. По словам Карма Пакши, благосклонность Мунке проявилась в желании хана потворствовать некоторым его советам относительно социальной политики империи: по просьбе Карма Пакши, Мунке отпустил на волю военнопленных и организовал раздачу милостыни бедным. Таким образом, про-буддистские симпатии Мунке имели определенное влияние на администрацию империи, несмотря на то, что влияние Карма Пакши ограничилось трехлетним периодом.

Роман Хаутала (университет Оулу, Финляндия): “Латинские источники о конкурирующей католической и мусульманской прозелитической деятельности среди кочевников Золотой Орды в первой половине XIV века” (Latin Sources on Competing Catholic and Muslim Proselytizing Activity among the Golden Horde’s Nomads in the First Half of the 14th Century).

Возвращаясь к теме исламизации западных монгольских улусов, Хаутала сфокусировался на актуальной проблеме исламизации Золотой Орды в период правления хана Узбека. Уделив довольно много внимания заключениям современных российских исследователей, Хаутала попытался показать некоторые недостатки источниковедческой базы современных исследований. Согласно утверждению Хаутала, современные исследователи часто не критично воспринимают сведения арабских и поздних тюркских источников о религиозной реформе хана Узбека. Для прояснения процессов исламизации в Золотой Орде, Хаутала предложил прибегнуть к использованию малоизвестных латинских источников, составленных внутри улуса Джучи в период правления Узбека.

Панель 3: Правители и управляемые в переходный период: единая империя и Китай (Rulers and Ruled in Transition: the United Empire and China).

Председатель: Сяо Лю (Xiao Liu, Китайская академия социальных наук).

Дискуссант: Ходонг Ким (Hodong Kim, Сеульский национальный университет).

Миклош Саркози (Miklós Sárközy, Институт исследований исмаилизма, Лондон): “Диван-и Ка’имийат – Аспекты монголо-низаритских контактов в свете недавно обнаруженных литературных источников” (The Dīwān-i Qā’imiyāt – Aspects of Mongol-Nizārī Contacts in the Light of a Newly Discovered Literary Source).

Доклад Саркози был посвящен интересной проблеме взаимоотношений исмаилитов-низаритов с монголами до появления армии Хулагу в Персии. Как известно, персидская историография (в первую очередь, Джувейни) была склонна представлять низаритов непримиримыми противниками монгольской экспансии. Однако, на примере ранних низаритских источников (Диван-и Ка’имийат датируется периодом до 1240 года), Саркози обоснованно указал на то, что изначально низариты добились определенных политических выгод в связи с монгольской экспансией. Поэтому, в первые годы монгольской экспансии и, в особенности, в период хорезмийской кампании Чингисхана, низариты положительно оценивали расширение монгольской империи, чему служат свидетельством малоизученные литературные источники.

Йингшенг Лю (Yingsheng Liu, Нанкинский университет): “Дискуссия перед монгольской кампанией в Поволжье и Восточной Европе (1235)” (A Discussion before the Mongolian Campaign to the Volga Area and East Europe 1235).

Доклад Лю был посвящен одному интересному аспекту организации Великого Западного похода монголов. Привлекая к использованию сведения “Сокровенного сказания монголов” и эпиграфической надписи на могиле Елюя Чуцая, Лю указал на факт проведения длительной дискуссии среди представителей монгольской элиты в преддверии похода, в ходе которой обсуждался вопрос об использовании в западной кампании больших подразделений, состоящих из ханьского населения Северного Китая.

Джефффри Хамбл (Geoffrey Humble, Университет Лидса и Еврейский университет в Иерусалиме): “Центр, периферия, политика и власть: в поисках не-чингизидских придворных группировок в ранней империи” (Centre, Periphery, Politics and Authority: Seeking Non-Chinggisid Court Networks in the Early Empire).

Хамбл сфокусировался на рассмотрении внутривластных перипетий, связанных с приходом к власти хана Мунке в 1251 году. Согласно обоснованному утверждению Хамбла, государственный переворот Мунке, связанный с переходом власти в империи от угедеидов к тулуидам был осуществлен, благодаря непосредственной поддержке не-чингизидских представителей монгольской элиты. Хамбл указал на необходимость проведения просопографических

исследований для выяснения роли кешиктенов в определении политических процессов внутри монгольской империи.

Кристофер Атвуд (Christopher Atwood, Университет Индианы): “Три конфуцианских кризиса Хубилая хана” (Qubilai Qa’an’s Three Confucian Crises).

Доклад Атвуда был посвящен опровержению популярного мнения о конфуцианском характере правления Хубилая и о чрезвычайном потворстве Хубилая советам своих конфуцианских администраторов. Атвуд не стремился опровергнуть значительное конфуцианское присутствие в администрации Хубилая, но указал на определенное недоверие хана по отношению к своим конфуцианским советникам. В доказательство, Атвуд привел примеры трех политических кризисов, во время которых решения хана выносились вразрез с мнением конфуцианских чиновников: кризис 1257 года, когда конфуцианские чиновники отказались, в отличие от самого Хубилая, исполнить повеление Мунке-хана о приостановке конфуцианских административных реформ в Северном Китае; в 1273–1274 годах, когда конфуцианские приближенные Хубилая отказались поддержать план массированного наступления против сунской династии на юге Китая; и в 1285 году, когда конфуцианские советники хана предложили Хубилаю отречься от власти в пользу своего сына.

Панель 4: Закон, гендер и институты.

Председатель: Дэвид Морган (David Morgan, Висконсинский университет в Мадисоне).

Дискуссант: Ходонг Ким (Hodong Kim, Сеульский национальный университет).

Роман Почекаев (Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский филиал): “Торе: древнетюркский закон, ‘приватизированный’ Чингисханом и его потомками” (Törü: Ancient Turkic Law ‘privatized’ by Chinggis Khan and his Descendants).

Доклад Почекаева был посвящен торе, одному из самых загадочных источников права в истории тюрко-монгольской истории. Если изначально торе означало повеления древнетюркских ханов, то среди до-чингизидовских монголов торе воспринималось как ряд общих правовых принципов, которые были постулированы монголам самим Небом. Согласно утверждению Почекаева, Чингисхан предпринял попытки “приватизации” торе с целью получить единоличное право на интерпретацию его постулатов. Таким образом, Чингиз-хан добился уменьшения влияния торе на имперскую юридическую систему, обновленную Чингиз-ханом посредством внедрения корпуса постановлений хана, объединенных в общеизвестную Йасу. Однако, с распадом имперских государств монголов, торе вернуло свое влияние и стало дополнительным средством легитимации власти постчингизидских правителей.

Иштван Вашари (István Vásáry, Университет Этвоша Лорана, Будапешт): “Мультикультурный институт монгольской Евразии: канцелярия Золотой Орды и ильханидского Ирана” (A Multi-Cultural Institution of Mongol Eurasia: the Chancellery of the Golden Horde and Ilkhanid Iran).

Вашари представил институт многоязычных канцелярий в качестве одного из наиболее ярких примеров культурного обмена в монгольской империи. В изначальный период своего существования, имперская администрация чингизидов практиковала использование монгольского языка в качестве официального языка имперских канцелярий. С расширением империи, практика использования официального монгольского языка распространилась по всем уголкам империи. Однако, начиная с середины XIII века, в канцеляриях отдельных улусов начали внедряться и местные языки. Если в хулагуидском Иране монгольский язык продолжал применяться параллельно с персидским, то в Золотой Орде он перестал использоваться в конце XIII века, уступив свое место тюркскому языку. По мнению Вашари, это явление являлось прямым отражением абсорбирования монголов местным тюркским населением Золотой Орды.

Стивен Хо (Stephen Haw, независимый исследователь): “Цветноглазые в империи Юань: Кем они были?” (The Semu ren in the Yuan Empire – Who Were They?).

Большинство жителей империи Юань, которые не были ни монголами, ни китайцами, назывались по имени Сему рен. Согласно утверждению Хо, исследователями было сделано сравнительно мало работы для прояснения того, кем были представители этих групп населения, каково было их происхождение, насколько велико было их присутствие в империи Юань и какую роль они выполняли. Несмотря на общепринятое мнение о том, что термином “цветноглазые” определялись мусульманские резиденты Китая персидского происхождения, Хо представил основательную аргументацию в подтверждение своей гипотезы, согласно которой основную часть этой группы населения представляли выходцы из Восточного Туркестана с преваляровавшим тюркским языком.

Панель 5: Художественные средства коммуникации в движении.

Председатель: Моррис Россоби (Morris Rossabi, Колумбийский университет и Квинс Колледж, Университет города Нью-Йорк).

Дискуссант: Шейла Блейр (Sheila Blair, Бостонский колледж и Университет Содружества Вирджинии).

Юка Кадои (Yuka Kadoi, Эдинбургский университет): “Украшение тела тканями, увеличение пространства: текстиль, как политическая легитимация и культурная индивидуализация в монгольской Западной Азии” (Draping a Body, Magnifying a Space: Textiles as Political Legitimacy and Cultural Identity in Mongol West Asia).

Используя различные визуальные источники хулагуидской Западной Азии, Кадои показала, насколько значительную роль играл текстиль в передаче цветов, дизайна и концепций одежды с востока на запад внутри монгольской империи. Хулагуидские правители использовали материальную ценность парчи для подчеркивания символического значения их власти. Параллельно с заимствованием восточной моды в одежде, ильханиды перенимали и восточные орнаменты, нашедшие свое отображение и в архитектуре хулагуидского Ирана.

Эйрен Шей (Eiren Shea, Университет Пенсильвании): “Киданьские и уйгурские источники для юаньской придворной одежды” (Khitans and Uighur Sources of Yuan Court Dress).

Шей представила анализ роли киданей и уйгуров в формировании монгольского культурного идентитета в Китае, фокусируясь на их эстетическом влиянии, отразившемся в придворных костюмах монгольской элиты. Изучение тематики придворных костюмов позволяет затронуть ряд актуальных исторических тем, включая распространение текстильных моделей костюмов и методов их производства, торговую деятельность и налогообложение, как и значение костюма в придворном церемониале монголов. В частности, изучение киданьских и уйгурских образцов одежд, по мнению Шей, может способствовать разрешению актуальнейшего вопроса о мантях жисун, упоминаемых в изобилии в китайских и западноевропейских источниках, но до сих пор не засвидетельствованных археологическими или визуальными материалами.

Джонатан Блум (Jonathan Bloom, Бостонский колледж и Университет Содружества Вирджинии): “Роль бумаги в искусстве монголов” (The Role of Paper in the Arts of the Mongols).

После констатации неоспоримого значения, которое имело заимствование из Китая бумаги для исламской цивилизации, способствовавшее трансформации устной религиозной традиции в рукописную и соответствующему развитию мусульманского искусства; Блум отметил, что наиболее значительные сдвиги в этой области имели место в начале XIV века. Начиная с этого времени, мусульманские манускрипты производились на больших листах бумаги значительно более высокого качества, с включением крупных иллюстраций и карт. Эти нововведения имели непосредственное влияние на архитектуру, текстиль, керамику и другие виды искусства. Главной идеей доклада Блума было утверждение, что эти технологические новации в производстве бумаги были прямым следствием формирования трансконтинентальной империи монголов, способствовавшей утверждению связей исламского мира с Китаем.

Роксани Празниак (Roxann Prazniak, Орегонский университет): “Историческая коллекция принцессы Сенге Раги: размышления об искусстве и монгольских ханствах” (Princess Sengge Ragi’s Historic Gathering: Thoughts on Art and the Mongol Khanates).

По словам Празника, искусство играло жизненно важную роль в политической и экономической интеграции монгольской империи. Доклад Празника рассматривал отношения четырех монгольских ханств к искусству в поисках ответов на следующие вопросы: как местные художественные традиции повлияли на роль изобразительного искусства в политической жизни каждого отдельного ханства? Каким образом монгольская администрация способствовала развитию искусства в каждом ханстве? При каких условиях имело место возникновение межкультурного диалога и каковы были его последствия? В стремлении ответить на эти вопросы, Празника представила отдельный пример принцессы Сенге Раги, сестры двух юаньских императоров, известной своей страстью коллекционирования предметов искусства.

Панель 6: Монгольское государство в Центральной Азии в сравнительной перспективе.

Председатель: Йингшенг Лю (Yingsheng Liu, Нанкинский университет).

Дискуссант: Михаль Бيران (Michal Biran, Еврейский университет в Иерусалиме).

Питер Джексон (Peter Jackson, Британская академия): “Исламизация чагатаидов в сравнительной перспективе” (The Islamization of the Chaghadaids in Comparative Perspective).

Ссылаясь на обобщающие заключения Девина Девиза по исламизации западных монгольских улусов, опубликованные в “Кембриджской истории Внутренней Азии” (2009), Джексон внес ряд поправок и дополнений к выводам Девиза. Джексон затронул ряд вопросов, касающихся исламизации Золотой Орды и чагатайского улуса, но уделил немало внимания и улусу хулагуидов, где процесс исламизации освящен историческими источниками в наибольшей степени. Главной целью доклада Джексона было стремление рассмотреть основные причины и мотивы исламизации кочевников и влияние этого процесса на политическую ситуацию в западных улусах монголов.

Шейла Блейр (Sheila Blair, Бостонский колледж и Университет Содружества Вирджинии): “Мусульманские мавзолеи монголов в Иране, Средней Азии и Китае” (The Mongol Muslim Mausoleum – in Iran, Central Asia and China).

Как известно, изначально монгольских правителей хоронили в безымянных и скрытых местах, которые стали объектом безуспешных поисков археологов, стремившихся найти могилу Чингиз-хана в Монголии или Хулагу в Персии. Мусульманские правители, напротив, по крайней мере с X века, предпочитали быть похороненными в заметных купольных гробницах. Следуя их примеру, монгольская элита, обращенная в ислам, стала строить купольные надгробья на своих могилах. Блейр предприняла попытку сравнения трех мусуль-

манских мавзолеев монголов, построенных в трех разных регионах: могилу хулагуида Олджейту в Султанийе, могилу чагатаида Буян Кули-хана в Бухаре и могилу юаньского принца Ананды. Целью Блейр было показать, как одна и та же архитектурная форма, вместе со связанной с ней традицией, были интерпретированы по-разному в различных областях монгольской империи.

Йихао Цю (Yihao Qiu, Университет Фудань, Шанхай): “Западная часть чагатайского улуса в отношении к восточной границе Ильханата: сравнительное исследование внутреннего монгольского конфликта” (The Western Branch of the Chaghatai Ulus Relating to the Eastern Frontier of Ilkhanate: a Comparative Study of an Inner-Mongol Conflict).

Доклад Цю был посвящен рассмотрению конфликта чагатайского хана Барака с хулагуидами на фоне параллельного ухудшения отношений ильхана Абаки с Караунами. По мнению Цю, политика Барака определялась не только стремлением чагатаидов завоевать хорасанские территории хулагуидов, но взаимоотношениями чагатаидов с местными правителями в Хорасане и караунами, которые сложились в значительно более ранний период. Согласно утверждению Цю, в конце 60-ых годов XIII столетия чагатаиды заключили военный союз с Караунами и проводили согласованные военные действия в Хорасане.

Беатрис Манц (Beatrice Manz, Университет Тафтса): “Память о монголах в Центральной Азии и исламском мире (1300–1800)” (The Memory of the Mongols in Central Asia and the Islamic World 1300–1800).

Манц рассмотрела вопросы, связанные с сохранением и постоянной переработкой воспоминаний о монгольской империи. В мусульманской историографии период монгольской экспансии неизбежно представлялся на фоне великих свершений Чингиз-хана. Параллельно были включены и легендарные истории о первых исламизаторах монголов, где Чингиз-хану отводилось немаловажное значение. Несмотря на то, что Чингиз-хан не был обращен в ислам, он представлялся скрытым мусульманином. Подобные интерпретации имели особое значение для легитимации последующих династий и государств, отставивших свою преемственность монгольской империи.

Панель 7: Экономические обмены.

Председатель: Роман Почекаев (Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский филиал).

Дискуссант: Питер Джексон (Peter Jackson, Британская академия).

Ясухиро Йоккаичи (Yasuhiro Yokkaichi, университет Васэда и университет Кейо, Япония): “Фарс и два Ирака под монгольским владычеством: торговая сеть купцов Киша в Индийском океане” (Fars and Two Iraqs under Mongol Rule: Kish Merchants’ Trade Network in the Indian Ocean).

Йоккаичи рассмотрел широчайшую коммерческую деятельность торговцев Киша, пользовавшихся особой благосклонностью хулагуидских правителей, которые получали каждый год в подарок от купцов Киша жемчуг Персидского залива. По утверждению Йоккаичи, правители Киша получили от хулагуидов привилегию управлять Фарсом в благодарность за организацию международной торговли с Китаем и южной Индией. Таким образом, Йоккаичи попытался опровергнуть устоявшееся утверждение о том, что, в связи с падением значения Багдада, торговые пути в Индийском океане были перенаправлены в Красное море. В свою очередь, докладчик указал на возможность альтернативной интерпретации, согласно которой порты южной Персии продолжили играть столь же значительную роль в международной торговле, как и в период, предшествующий монгольской инвазии в Иране.

Сюзанна Райхерт (Susanne Reichert, Боннский университет): “Каракорум как ремесленный город – культурные связи, подтверждаемые археологическими данными” (Karakorum as a Manufacturing City – Cultural Ties Evidenced by the Archaeological Record).

Райхерт представила результаты археологических раскопок в центре Каракорума, проведенных германскими археологами Боннского университета. В частности, Райхерт представила археологические материалы, подтверждающие свидетельства письменных источников о том, что столица империи монголов была довольно важным центром ремесленной деятельности. Так, боннские археологи открыли следы существования в центре Каракорума мастерских, специализировавшихся на производстве изделий из железа, бронзы, кости, стекла и драгоценных камней. В то же время, материальные свидетельства ремесленной деятельности указывают на очевидно интернациональный состав каракорумских ремесленников, перевезенных в столицу империю в период ее единства.

Александр Пачкалов (Финансовый университет, Москва): “Нумизматика как источник по истории городов Золотой Орды” (Numismatics as a Source for History of Golden Horde Cities).

Пачкалов указал на очевидную недостаточность информации по городам Золотой Орды, содержащейся в письменных источниках. В свою очередь, нумизматические материалы существенно дополняют эту информацию, позволяя решить ряд проблем, связанных с исторической географией улуса Джучи. Так, по словам Пачкалова, монеты позволяют определить периоды расцвета и упадка главных урбанных центров, уточняя тем самым динамику городской жизни Золотой Орды. К тому же, многочисленные находки монет позволяют воссоздать картину циркуляции монет внутри Золотой Орды.

Лоуренс Лангер (Lawrence Langer, университет Коннектикута): “Русь и экономической мир монгольской империи” (Rus’ and the Economic World of the Mongol Empire).

Лангер затронул вопрос об экономических взаимоотношениях Руси с Золотой Ордой и ее экономической роли внутри всей монгольской империи. Главной идеей доклада было описать в общих чертах экономическое развитие Руси под властью монголов. По мнению Лангера, общее экономическое развитие Руси, несмотря на ее включение в мировую трансконтинентальную торговлю, было приостановлено инвазией Бату и замедлено последующими нападениями кочевников в совокупности с жесткой фискальной политикой со стороны Золотой Орды.

Панель 8: Наука, мудрость и передача знаний.

Председатель: Кристофер Атвуд (Christopher Atwood, Университет Индианы).

Дискуссант: Реувен Амитай (Reuven Amitai, Еврейский университет в Иерусалиме).

Джордж Лейн (George Lane, Школа ориентальных и африканских исследований Лондонского университета): “Чингизиды и их турниры интеллектуальных поединков” (The Chinggisids and their Intellectual Jousting Tournaments).

Лейн указал на определенный рост интереса в современной историографии к процессу развития монгольской империи. В первую очередь, исследователей интересует вопрос о параллельной ассимиляции культур внутри кочевнической империи и поглощении завоевателей внутри завоеванных цивилизаций. Лейн подчеркнул важность обмена идей и идеологий внутри империи, который имел не меньшее значение, чем обмен военной технологии, медицины или искусства. Наравне со стремлением приобрести предметы роскоши, Чингиз-хан, в не меньшей степени, стремился получить в свое распоряжение и самые рафинированные достижения интеллектуальной деятельности покоренных народов. Лейн указывает на стремление Чингиз-хана приблизить к себе наиболее известных в его эпоху интеллектуалов и на часто упоминаемые в источниках попытки организовать публичные дискуссии среди этих интеллектуалов.

Йоичи Исахая (Yoichi Isahaya, Университет Токио, Японское Общество содействия развитию науки): “Кросс-культурный диалог между китайским мудрецом и мусульманским эрудитом: китайский календарь в ильханидском зидже как воплощение астрономического диалога” (Cross-Cultural Dialogue between a Chinese Sage and Muslim Polymath: Chinese Calendar in the Ilkhānīd Zij as the Embodiment of the Astronomical Dialogue).

Доклад Исахая был посвящен взаимному обмену астрономическими знаниями между Ираном и Китаем в период монгольского владычества. В частности, Исахая уделит внимание диалогу между известным ильханидским астрономом Туси и значительно менее изученным китайским ученым, известным под именем Фумнджи. Описав процесс адаптации китайского официального календаря в улусе хула-

гуидов, Исахайа продемонстрировал, что включение китайского календаря в мусульманский зидж не было связано ни попыткой регулирования времени, ни с подчеркиванием легитимности монгольских правителей; но было осуществлено Туси для конвертации китайского календаря в другие календари, использованные в Иране.

Цяо Янг (Qiao Yang, Еврейский университет в Иерусалиме): “Как звезды на небе: динамичные сети астрономов в монгольской Евразии” (Like Stars in the Sky: Dynamic Networks of Astronomers in Mongol Eurasia).

Янг предложила свою интерпретацию общеизвестного интереса монгольских правителей к астрологии: в связи с тем, что монголы, по их мнению, завоевали обширные евразийские территории по велению Неба; они отличались повышенным интересом к наблюдению за небом с целью понимания небесных предзнаменований, которыми они руководствовались в своей земной деятельности. Благодаря этому интересу, астрологи Персии и Китая получили прямую финансовую поддержку со стороны монгольских правителей, что способствовало значительному развитию астрономических знаний.

Панель 9: Монголы и морская Азия.

Председатель: Валери Хансен (Valerie Hansen, Йельский университет).

Дискуссант: Моррис Россабби (Morris Rossabi, Колумбийский университет и Квинс Колледж, Университет города Нью-Йорк).

Сесилия Левин (Cecilia Levin, Гарвардский университет): “Большая волна: влияние монгольской империи на яванское искусство” (The Great Wave: The Influence of the Mongol Empire on Javanese Art).

Левин наглядно продемонстрировала, что несмотря на враждебные отношения между имерией Юань и индонезийским архипелагом, в яванском искусстве прослеживается “гостеприимное” заимствование многих художественных мотивов юаньского изобразительного искусства. Яванские металлические изделия, архитектурный орнамент и придворные предметы роскоши содержали легко узнаваемые юаньские художественные элементы, а китайская керамика продолжала быть вожделенным продуктом импорта.

Итан Сегал (Ethan Segal, Университет штата Мичиган): “Политика династии Юань и ее влияние на раннесредневековую Японию” (Yuan Dynasty Policies and Their Impact on Early Medieval Japan).

Доклад Сегала имел целью показать, что наравне с военными действиями, империя Юань развила и мирные отношения с Японией. Сегал указал на то, что в период неудачных попыток Хубилая захватить Японию (1274 и 1281), японские корабли прибывали в юаньские порты для торговли с Китаем. Главными вопросами, на которые искал ответ Сегал, были: какое влияние имело возникновение империи Юань на развитие торговли между Японией и азиатским материком? Кем были купцы, способствовавшие развитию этой торговли? И как

государственная политика империи Юань и Японии способствовала или препятствовала этой торговле?

Франческа Фьяскетти (Francesca Fiaschetti, Еврейский университет в Иерусалиме): “Мобильность, дань и основы дипломатии Хубилая – пример Аннама” (Mobility, Tributes and the Foundations of Qubilai’s Diplomacy – The Annam Example).

Фьяскетти рассмотрела интересный аспект дипломатических отношений Хубилая с северо-вьетнамским правителем Аннама. В частности, Фьяскетти выдвинула предположение, что требования со стороны Хубилая выплаты ежегодной дани отражали не только экономические интересы юаньского хана, но и более сложную концепцию сакрального характера монгольской власти.

В заключение следует отметить, что состав участников конференции отражает, в определенной степени, актуальные интересы современных исследователей империи монголов. Доклады по юаньскому Китаю, очевидно, преобладали на конференции, хотя немало внимания было уделено и хулагуидскому Ирану. Отдельная панель была посвящена чагатайскому улусу, что, вероятно, является отражением исследовательских интересов непосредственных организаторов конференции (Ким, Биран). За исключением доклада по экономическому развитию Руси (Лангер), Улусу Джучи были посвящены только выступления исследователей российского происхождения (Хаутала, Пачкалов) и венгерского докладчика (Вашари), что, в свою очередь, является отражением уровня популярности золотоордынских исследований среди западных историков.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – старший научный сотрудник Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу, Ph.D. (история) (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация; 90014, ул. Пентти Кайтера, д. 1, Оулу, Финляндия); virisequisque@hotmail.com

REPORT ON THE INTERNATIONAL CONFERENCE “MOBILITY AND TRANSFORMATIONS: ECONOMIC AND CULTURAL EXCHANGE IN MONGOL EURASIA” (JERUSALEM, 29TH JUNE – 1ST JULY, 2014)

Roman Hautala

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The article contains a report on the international conference “Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia” held in

Jerusalem from 29th June to 1st July, 2014. The conference was organized by the Israel Institute of Advanced Studies at the Hebrew University of Jerusalem.

The main scope of the conference was to find an answer to the question: how the various forms of mobility, i.e. migration of large groups of people and broad dissemination of ideas and artifacts, affected the formation of intercultural exchange in the Mongol Empire of the 13th–14th centuries, and how great was the influence of these transformations? In particular, special attention in the conference was paid to the reconstruction of the cultural, commercial, religious, and intellectual exchanges within the Mongol Empire.

The conference participants presented their reports on specific thematic panels. Therefore, the author describes them separately, including a brief description of the report of each participant.

The participants of the conference reflects, to some extent, actual interests of contemporary researchers of the Mongol Empire.

Keywords: history of the Mongol Empire, international conference, Israel Institute for Advanced Studies, Hebrew University of Jerusalem, actual interests of contemporary researchers.

About the author: Roman Hautala – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, Ph.D. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation; 90014, Pentti Kaiteran st., 1, Oulu, Finland); virisequisque@hotmail.com